
ЭПИЗОД 1

НАЧАЛО

Женщина — противоположность Денди. Следовательно, она должна внушать отвращение. Женщина испытывает голод — и хочет есть. Испытывает жажду — и хочет пить. Она в течке — и хочет, чтобы ее... Великая заслуга! Женщина естественна, то есть омерзительна. К тому же она всегда вульгарна и, значит, полная противоположность Денди.

Шарль Бодлер
«Мое обнаженное сердце»

1

Она стояла у здания гостиницы и дрожала от холода. Погода была удивительно солнечная, не осенняя, было достаточно тепло, но она все равно тряслась от холода. Может, это был своеобразный нервный озноб, который начался с того момента, когда она узнала, что должна пойти к этой проклятой гостинице. А может, просто сказывался нервный рефлекс ожидания. Или страх, что ее могут увидеть и узнать старые знакомые по институту. Это было самое неприятное, что могло произойти. О том, что неприятности могли быть еще хуже, она старалась не думать.

Из подъезжающих автобусов и автомобилей выходили холеные красивые мужчины и вызывающе-горделивые женщины. От них исходил какой-то непонятный для советского человека магнетизм «личности с той стороны». Глядя даже на спину любого прохожего, можно было определить, кто это: советский человек, пусть даже очень влиятельный чиновник, или крупный фарцовщик, одетый куда лучше иностранцев, или же человек «оттуда». Может, у них просто была несколько другая посадка головы? Или они чувствовали себя увереннее, чем советские люди? Более независимыми? Она не знала ответа на этот вопрос, но, как и все люди, определяла почти сразу, кто перед ней — наш гражданин «с молоткастым, серпастым» или представитель того загнивающего мира, который так дружно ругали по телевизору и в газетах. Шел тысяча девятьсот семидесятый год, и был самый разгар «холодной войны».

Дважды к ней подходили какие-то подозрительные типы. Один явно был спекулянтom с бегающими глазками и в норковой шапке, несмотря на осеннюю погоду. Как только он показал свою золотую фикса, она все поняла и не стала с ним разговаривать, просто презрительно хмыкнула, и он отстал, поняв тщетность своих усилий. А вот другой, посolidнее, мордастый, с несколько расплывшимися чертами лица, кудрявыми волосами, с небольшим шрамом у подбородка, отставать так просто не хотел, и пришлось отвечать на его идиотские вопросы.

— Ты местная? — наконец спросил он.

— Нет, — ответила она, явно нервничая. С минуты на минуту мог появиться «ее клиент», а она беседо-

вала с этим красномордым, похожим на сутенера типом.

— Значит, решила прийти сюда, — довольным голосом произнес красномордый, — очень хорошо. Меня Алексеем зовут. А тебя как?

— Лиза, — сказала она первое пришедшее ей на ум имя.

— Хорошо, — неожиданно сказал он, — а тебе сколько лет? Поздно начинаешь, девочка.

— Пошел ты!.. — огрызнулась она.

Он даже не обиделся. Только улыбнулся.

— А ты не ругайся, не ругайся. Ты ведь у нас здесь новичок. А это моя территория. Кто без моего разрешения здесь появляется, мне налог платит.

— Какой налог? — растерялась она. Про «налог» она ничего не слышала.

— Здесь наши девочки работают. А ты у них клиентов отбираешь, — захохотал красномордый и, вытерев слюну со рта, мягко произнес: — Налог нужно платить. В месяц — две тысячи рублей.

— Сколько?! — ахнула она. — Две тысячи?

— Конечно. Можно и по частям. А можно и натурой.

— Как так? — Она все-таки была очень непонятливым человеком для занятий подобного рода.

— Ну, натурой. За каждый часик будем снимать с тебя десятку, — заулыбался незнакомец.

— Нет, — решительно сказала она, как будто действительно собиралась работать здесь довольно долгое время и не платить налоги этим мародерам.

— Что «нет»? — опешил от такой наглости красномордый.

— Не буду платить, — твердо сказала она. В эту минуту она даже забыла о своей роли, так полно вписываясь в придуманный образ «девочки у отеля».

— Будешь, — он даже не рассердился, — будешь, милая. У меня здесь все куплено — милиция, швейцары, бармены. Ни одной случки без меня не получится. А попытаешься ловчить — личико тебе порежем. Лезвием тонким носик и щечки. И тогда тебя даже в колонии не захотят трогать. И мать родная не узнает. Понимаешь? — От гнилых зубов несло каким-то особенно неприятным кислым запахом. Она поморщилась, представив себе, сколько молодых девушек попадают к таким типам. Но сейчас нельзя было срывать операцию.

— Черт с тобой, — брезгливо сказала она, — только все вопросы решим завтра. Сегодня мой первый день. Мой клиент скоро будет. Дай мне нормально поработать.

— Никаких проблем. В первый раз все правильно. Ты ведь не знала, что нужно платить. Если спросит кто, скажи, Алексей разрешил, и все будет нормально. Кстати, девка ты хорошая, хотя и наглая очень. Будешь мне платить натурой, я с тебя денег брать не стану.

При одной мысли, что когда-нибудь с ней в постели может оказаться подобный тип, ее чуть не стошнило. Она выдавила:

— Ладно, Алексей, потом поговорим.

— А французской любовью ты занимаешься? — Он снова показал свои гнилые зубы и захохотал.

В сочетании с модным галстуком и модным плащом эти зубы создавали какое-то фантазмагориче-

ское зрелище. «Как картины Сальвадора Дали», — подумала она. Интересно, он слышал когда-нибудь о картинах Дали? Наверняка нет.

Она отошла от этого типа, взглянув на часы. «Клиент» должен был скоро появиться. Впервые она с ужасом подумала, что испытывают девицы подобного сорта, когда работают у этих гостиниц. Подумала и содрогнулась от ужаса.

Этот американец появился ровно в три часа. Он вышел из автомобиля, такой высокий, подтянутый, с красиво уложенной шевелюрой. Уже начавшие сесть волосы были зачесаны назад. На нем было легкое серое пальто и темно-красный шарф. Кивнув водителю, он пошел к зданию отеля.

Она оцепенела. Теперь, когда нужно было наконец действовать, она испугалась. Испугалась, словно девочка. Но замешательство было недолгим. Она ринулась к иностранцу.

— Мистер, — сказала она на хорошем английском, — вы не угостите меня сигаретой?

Американец удивленно оглянулся. Заметил ее, сразу изменился в лице. Психологи обратили внимание, что ему нравился именно такой тип женщин — высокие, длинноногие, с удлиненными чертами лица, крупнокостные, словом, «лошадки», как их называли на своем жаргоне сутенеры и психологи КГБ. И те и другие использовали один и тот же сленг, словно между ними не было разницы. Хотя, если вдуматься, никакой разницы действительно не было. Сутенер Алексей посылал женщин на панель ради личного заработка, а психологи КГБ, отбиравшие женщин на эту работу, действовали так и ради

личной заинтересованности. В случае верного «подбора кадров» они получали благодарности, награды, звания. Она и была тем самым «подобранным кадром», который отправили к гостинице «Интурист».

— У меня есть «Мальборо», — ответил американец, доставая пачку и пристально разглядывая подошедшую к нему женщину. Она достала сигарету, он щелкнул зажигалкой.

— Вы хорошо говорите по-английски, — похвалил ее иностранец.

— Учила в институте. А вы англичанин?

— Американец. — Он показал на здание гостиницы. — Может, войдем внутрь? Я вас приглашаю в бар.

— Неудобно. Нас могут увидеть вместе. Вы ведь знаете наши порядки, — она показала на швейцара, — обязательно начнут спрашивать, куда и зачем.

— Это правда, — засмеялся американец.

Он слишком четко выговаривал слова. Это ее немного насторожило. Она знала, что американцы говорят, больше проглатывая слова, а так правильно говорят либо англичане, либо иностранцы. Может, этот тип учился в Англии? Но спрашивать все равно нельзя, иначе он заподозрит собеседницу в слишком хорошем знании английского языка. А это, в свою очередь, может означать, что она подстава КГБ или МВД. В Москве семидесятого года было не так много женщин, пристающих к иностранцам на хорошем английском языке. Они все оказались востребованными в других ведомствах.

— Что нам делать? — спросил иностранец. — Думаете, мы не сможем войти?

— Вы идите первым и ждите меня в баре, а я постараюсь пройти сама, — предложила она.

— Хорошо, — обрадовался американец, — это правильно. Как вас зовут?

— Лиза. — Она второй раз почему-то назвалась этим именем. Может, просто вспомнила Карамзина и словосочетание «Бедная Лиза».

— Роберт, — сказал он, приветливо улыбаясь. От него исходил тончайший аромат французских духов, она не могла определить каких, но это было лучше, чем гнилостное дыхание Алексея.

Когда иностранец вошел в здание гостиницы, она, выждав минуту, пошла следом. Поднялась по ступенькам, но строгий швейцар остановил ее сразу.

— Куда прешь?

— Что вы говорите? — спросила она по-английски.

Но швейцара не так легко было обмануть. Во-первых, они набирались всегда из бывших военных и сотрудников милиции, во-вторых, сразу узнавали «свой контингент», в-третьих, московские церберы отличались редким сволочизмом даже по сравнению с подобными типами из других крупных городов родного отечества, в-четвертых, были заинтересованы в обнаружении всех не прописанных в гостинице гостей, так как это сразу увеличивало их материальное благосостояние. И, наконец, в-пятых, о чем никто и никогда вслух не говорил, заодно они работали стукачами милиции и органов безопасности, причем часто их информация бывала наиболее ценной и значимой.

— Ты мне зубы не заговаривай, — грозно нахму-

рился швейцар. Раньше он работал надзирателем в колонии и знал, как нужно обращаться с людьми. — Давай уходи отсюда.

— Меня Алексей послал, — тихо произнесла она, решившись произнести имя того типа.

— Так бы сразу и сказала, — он посторонился, — иди, но смотри, без глупостей. Ты, видно, новенькая, я тебя раньше не видел здесь.

Она поспешила в бар. Там уже сидел за столиком Роберт. Увидев ее, он приветливо замахал рукой.

— Заходите, Лиза, — сказал он довольно громко, — я боялся, что вы не сможете проникнуть в отель.

— Это было достаточно трудно, — призналась она.

— О да, — засмеялся он, — я все знаю. У вас борются за нравственность и никого не пускают в гостиницы. Это очень плохо, Лиза, потому что, если двое людей хотят что-то сделать, их не остановить такими глупыми запретами. Что вы будете пить?

— Минеральную воду, — на секунду она забылась, но, поправив себя, произнесла: — И шампанское, конечно.

— Я уже заказал, — признался Роберт, — сейчас принесут.

Она сидела напротив него, оглядывая бар, в который впервые попала. Он был полупустой. Несколько девиц сидели в углу, они явно неодобрительно смотрели на нахалку, осмелившуюся работать «на их территории». В другом углу сидели несколько финнов, для которых самым сладостным утешением была водка, продаваемая без ограничений во всех

московских ресторанах и барах. На девиц они просто не обращали никакого внимания.

Официантка принесла бутылку шампанского, фрукты, шоколад, две бутылки минеральной воды. Правда, она не открыла шампанское, и Роберту пришлось приложить все усилия, чтобы пробка не вылетела из бутылки, разбрызгивая вокруг пенящийся напиток. Он наконец справился с этим трудным делом и, разлив шампанское в высокие бокалы, улыбаясь, сказал:

— За встречу.

— За встречу, — подняла она свой.

Потом были обычные разговоры ни о чем, снова бокалы с шампанским, легкая музыка, танцы, вторая бутылка, и, наконец, он предложил ей подняться вместе с ним в номер. Несмотря на выпитое шампанское, уже ударившее в голову, она внутренне сжалась. Она хорошо понимала, что рано или поздно он предложит ей именно это, и сознавала, что отказаться не будет никакой возможности, но все равно его предложение прозвучало для нее слишком неожиданно. Она как-то замялась, даже оглянулась по сторонам. Он терпеливо ждал. Шампанское кружило голову.

— Прямо сейчас? — несколько жалобно спросила она.

— Конечно. — Кажется, он был удивлен.

«Господи, — подумала она, — я ведь знала, на что именно иду. Но вот так сразу?!» У нее до этого никогда не было подобного опыта. Если не считать вполне романтических историй, никто никогда не пред-

лагал ей такого через полчаса после знакомства. И она знала, что обязана принять это приглашение.

— Вас что-нибудь беспокоит? — Кажется, он начал понимать ее состояние.

— Нет. — Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась какая-то вымученная. — Я иду, иду с вами. — Губы предательски дрожали, она боялась неизвестно чего.

Конечно, она давно не девочка, ей все-таки уже за двадцать пять, но вот так, впервые с незнакомым мужчиной... Она не хотела себе признаваться, но действительно боялась. Кроме всего прочего, к страху примешивалось и какое-то болезненное любопытство. Она не знала, как это бывает «в первый раз с иностранцем». И не хотела себе признаться, что ей даже нравится сидеть с этим хорошо одетым и вкусно пахнущим человеком.

Она буквально заставила себя подняться вслед за ним, пройти холл, войти в лифт. Он вел себя как джентльмен. Несмотря на то, что в лифте они были одни, он не сделал даже попытки приблизиться к ней. Затем они долго шли по коридору, и наконец он открыл дверь своего номера, пропуская ее внутрь. Пройдя к окнам, он задернул занавески, и в комнате воцарилась относительная темнота. Она была благодарна ему за это проявление чуткости. Так ей было легче раздеваться. Нейлоновая комбинация, столь модная в Европе несколько лет назад и только сейчас пришедшая в Советский Союз, потрескивала у него в руках, когда он ее обнял. Она была как застывший памятник, почти не делала никаких движений, только молча позволяла ему снимать эту ком-

бинацию и нижнее белье. Ее бил непривычный озноб.

Ничего особенного она не почувствовала. Он, конечно, пытался возбудить ее, применяя привычные ласки, кусая за грудь, но в этот вечер ее не смог бы расшевелить и сам Казанова. Видимо, мужчина это понял довольно быстро и поэтому сразу перешел к заключительной части их встречи. Она только почувствовала, как он осторожно овладевает ею. Минутная встряска не принесла ничего, кроме оставшегося осадка разочарования и обиды. Он свалился с нее, тяжело дыша. Она с удивлением смотрела в потолок. Вот и все, подумала она. Неужели это так просто и легко, когда с нелюбимым, с незнакомым? Неужели все так просто?

А он, лежа на постели, вдруг повернул голову и на прекрасном русском языке сказал:

— Совсем неплохо для первого раза, младший лейтенант, но только для первого. Нельзя быть столь статичной в постели.

И тогда она заплакала. Уткнулась в подушку и плакала. Словно ее больше всего обидели именно эти, так просто сказанные слова.

2

— Ты, конечно, поняла свои основные ошибки? — спрашивала строгий преподаватель курсов.

Она была всегда в гражданском, но все знали, что Аркадия Самойловна была подполковником и работала здесь уже много лет. Ей было далеко за пятьде-

сят, но она еще умудрялась сохранять некоторое подобие фигуры и даже привычную молоджавость. И, конечно, суровость. О ее неизменной суровости и даже жестокости ходили легенды, но они передавались шепотом, ибо в их заведении никогда ничего нельзя было знать наверняка.

— Приняла его за иностранца. Но мне показывали его карточки, — угрюмо сказала она, — я не могла ошибиться. Мне показывали именно его.

— Ах, Марина, когда ты научишься наконец понимать, — укоризненно произнесла Аркадия Самойловна, но без прежней строгости, — нельзя в таких случаях никому верить. Тебе действительно показывали именно его фотографию. Но ведь нужно было проверить. Нужно было обратить внимание на его язык, на то, как он зажигает сигарету, наконец, можно было под любым предлогом выйти из его номера и проверить у дежурного, как его на самом деле зовут.

— Он сказал — Роберт, так и должно было быть по легенде.

— Вот именно. По легенде. Но ты должна все равно все проверить. А если человек, который тебе передал информацию, ошибался, или его обманули, или, еще хуже, он враг?

— Он действительно был не наш?

— Конечно, нет. Неужели ты можешь представить, что тебя отправили бы на иностранца без должной страховки? Мы ведь ничего так просто не делаем. Это был наш инструктор.

Тогда в гостинице она разревелась и, схватив свою одежду, выскочила в коридор, уже не слушая

никаких слов «Роберта». И теперь она сидела напротив Аркадии Самойловны, внимая ее замечаниям.

— Почему ты пропустила его в гостиницу и пошла одна? Если бы он был настоящий иностранец, это вызвало бы у него подозрения. Почему ты хочешь пройти сама? Ведь можно было пройти вместе с ним. Так проще.

— Я боялась, что нас не пустят, — ответила она.

— И только?

— Стеснялась, — честно призналась Марина, — думала, нас могут увидеть вместе.

— Это больше похоже на правду, — кивнула строгий преподаватель, — но это все равно ошибка. Потом, дальше, зайдя в бар, ты села спиной к дверям. Ты не видишь, что творится сзади, кто заходит и кто выходит из бара, что там происходит. Всегда садись лицом. Надеюсь, это ты запомнишь?

— Да, но он уже сидел за столиком.

— Значит, нужно было подвинуть свой стул с другой стороны.

Марина промолчала. Умудриться сделать при выполнении одного задания столько ошибок! Неужели ее отправят снова проходить весь этот ад? Словно прочитав ее мысли, Аркадия Самойловна неожиданно улыбнулась. На ее кошащем лице с уже выступающими старческими усиками было понимание тех обстоятельств, которые выпали на долю молодой женщины.

— А вообще-то, — подвела она итог, — вела себя неплохо. Как профессиональная проститутка, хоть и начинающая. Будем считать, что это испытание ты прошла. К тебе даже приставал местный сутенер. А у

них глаз наметанный. Видимо, понял, что ты новенькая, и решил сразу заарканить. Это хорошо. Хуже, что ты вела себя в постели как чучело. В таких случаях нужно просто получать удовольствие. Учись у мужчин. Думаешь, им нравятся все женщины, с которыми они спят? Как бы не так. Мы нужны им для коллекции. Вот и ты считай, что собираешь очередного мужчину для коллекции. Это просто. И очень обидно для мужчин.

— Противно, — честно призналась молодая женщина.

— Такого слова в нашей работе нет, — строго одернула ее Аркадия Самойловна. — Ты еще не видела наших «птичек», просто пошла к гостинице, чтобы один раз пройти через это. А они работают в гостиницах постоянно. И все время в таких условиях.

— Какие «птички»? — не поняла Марина.

— Узнаешь еще. И всегда помни — ты не просто разведчик. Тебя готовят в качестве нелегала. Если мужчина может применить в решающий момент физический прием, то от тебя ждут совсем другого приема. Да, то, что было вчера, — это грязно. И противно. Но если тебе нужно будет во имя дела лечь с кем-нибудь в постель, ты уже не будешь столь щепетильной. Через это нужно проходить, девочка. Иначе из тебя никогда не получится хорошего профессионала. У нас есть большое преимущество перед мужчинами — мы можем их соблазнять. Ты почитай нашу литературу — все известные разведчицы были либо проститутками, либо куртизанками. Только так по-настоящему можно развязать язык мужчинам. Понимаешь?

— Я представляла себе работу в разведке несколько по-другому.

— Вот переведут тебя в контрразведку, тогда ты запоешь как «птичка», — снова сказала это слово Аркадия Самойловна, — и будешь иметь дело с нашим пьяным быдлом, с фарцовщиками, спекулянтами, жуликами всякими. А так ты бога благодарить должна. Будешь ездить по миру и встречаться с интересными людьми.

Марина промолчала, не решаясь больше возражать.

— Вопросы есть? — спросила в заключение Аркадия Самойловна.

— Есть. Кто такой этот «Роберт»?

— Наш инструктор.

— Он знал, что я...

— Конечно, знал. Кроме него, там еще было двое наших сотрудников. Ты думаешь, мы просто так посылает женщин в гостиницу? А если бы этот сутенер не отстал от тебя? Мы всегда подстраховываем наших людей. Это экзамен, Мариночка, и таких экзаменов у тебя будет еще очень много, прежде чем наконец решат, что ты полностью готова к своей деятельности за рубежом.

— Почему тогда он... — Она снова не договорила.

— Почему он с тобой спал? — цинично спросила Аркадия Самойловна. — Глупый вопрос, Марина. Спал, потому что хотелось. Он ведь мужчина, и еще достаточно молодой. А почему ему не воспользоваться таким моментом?

— И они все такие?

— Кто — все?

— Мои будущие коллеги?

— Господи, — всплеснула руками преподаватель, — столько я тебе слов наговорила, а ты опять за свое. Или притворяешься, или действительно не понимаешь? Да, он мужчина. Увидел красивую женщину, которая сдает свой экзамен. Почему он не должен воспользоваться? Конечно, он мог тебе сказать до того, как с тобой переспал. Но он этого не сделал. Ну и что? Тебе должно льстить, что понравилась ему. Он ведь работает часто за рубежом, а там всякого добра хватает. В том числе и женщин. — Она поднялась.

— Я все поняла. Разрешите идти?

— Иди. Давай следующую.

Марина вышла из комнаты. У дверей стояла Лена.

— Ругалась сильно? — спросила она.

— Не очень. У тебя где был «зачет»?

— В Финляндии, — успела шепнуть Лена, — сегодня утром прилетела.

— Где? — не поверила она услышанному, но подруга уже скрылась за дверью, откуда сразу донесся резкий сердитый голос Аркадии Самойловны.

Это был специальный курс для разведчиков-нелегалов, практикуемый на факультете. Набранные после окончания институтов молодые женщины готовились к трудной работе нелегалов за рубежом. Это был знаменитый курс «шестьдесят восьмого», когда со всей страны отбирали самых толковых, красивых и сообразительных женщин, которых не должно было быть более двадцати пяти человек. Разбитые на пятерки, они не знали о других пятерках ничего и общались только между собой и только до

четвертого курса, после которого предполагалось, что они выедут на необычную практику за рубеж.

Пришедший в Комитет государственной безопасности Юрий Владимирович Андропов, сменивший Владимира Семичастного на этом посту, уже в первый месяц работы обратил внимание руководителя разведки, мудрого и опытного Александра Михайловича Сахаровского, на крайне неэффективное использование женщин. После 1967 года, когда Андропов был утвержден на Политбюро председателем КГБ, он начал читать специальную литературу по разведке, из которой узнал о роли женщин в столь сложном и специфическом деле. В КГБ к женщинам традиционно относились с большим недоверием. Кроме обычных осведомительниц-проституток, работавших в качестве агентов как милиции, так и органов безопасности, в аппарате управления они занимались обычно техническими вопросами — подавали чай, убирали мусор, чистили и мыли окна. Лишь редкие единицы проходили суровый отбор для работы в разведке КГБ, и то лишь по чистой случайности. Андропов поставил задачу заняться этим целенаправленно, и с разрешения Сахаровского по всей стране были отобраны двадцать пять человек, которые и должны были совершенствовать свои знания и приобретать необходимый опыт для работы.

Одной из женщин этого курса и была молодая Марина Чернышева, закончившая с отличием Московский государственный институт международных отношений. В разведку она попала случайно, если можно вообще считать случайностью подобный поворот судьбы. Марина росла в семье дипломатов,

отец долгие годы работал в США и Южной Америке. Девочка с детства привыкла к частым переездам, экзотическим местам, испанскому языку, столь красивому и пышному, к незнакомым людям, окружавшим их семью. Марина росла единственным ребенком в семье, после ее рождения мать тяжело заболела и по совету врачей навсегда отказалась от возможности иметь второго ребенка.

Детство Марины пришлось на первые послевоенные годы, когда отношение к Советскому Союзу было близким к восторженному. В советских людях видели не только представителей страны, разгромившей фашизм, но и носителей иной, более совершенной духовной культуры. Несмотря на «железный занавес», простые люди относились с большой симпатией ко всем советским людям, в том числе и к дипломатам, только разворачивающим свои представительства за рубежом. Когда отца перевели в Москву, для Марины не было сомнений, где продолжать учебу, — она выбрала МГИМО, куда и поступила с первого раза.

Это было еще в хрущевские времена, в шестьдесят третьем, когда не требовалось доказывать свое рабоче-крестьянское происхождение и детей высокопоставленных дипломатов не отдавали на один год «в слесари и монтеры» для обретения стажа и получения необходимого разрешения на поступление в вуз. В институте все было как у обычных молодых людей. Они узнавали о «Битлз» гораздо раньше своих сверстников, получая некоторые зарубежные журналы и книги. Они первыми начали открывать для себя в подлиннике мира Хемингуэя и Фолкне-

ра, Ремарка и Сартра. Шестидесятые годы, по существу, были лебединой песней советского этапа в развитии страны. Впервые за полвека исчез страх репрессий, начали оформляться нормальные человеческие отношения, были разрешены многие фильмы и книги. И на этом затяжном глотке возникло так называемое движение «шестидесятников», которое сыграло столь важную роль в развитии духовного потенциала своего отечества. К сожалению, многие из них, приспособившись к брежневскому «болоту», так и не смогли отказаться от своего неоконформизма и в девяностые годы, когда время настойчиво требовало своих духовных лидеров. Многие из них примирились с властью, столь же лживой и отвратительной, как и предыдущие коммунистические режимы, многие просто постарели, многие не хотели более вступать в борьбу с «ветряными мельницами».

Марина Чернышева была из того поколения «шестидесятников». Она бодро ходила на первомайские митинги и до утра дискутировала со своими соратниками о природе экзистенциализма в произведениях Камю и Сартра. Как и большинство девушек, выросших за рубежом, она отличалась редким свободомыслием и независимостью суждений. Это накладывало отпечаток и на ее личную жизнь. Первый парень был у нее уже на втором курсе, тогда она впервые получила представление об интимной близости. К пятому курсу она успела еще дважды влюбиться и дважды расстаться со своими избранниками. Овен по гороскопу, она не любила рутины и мелочной повседневности. Ей хотелось чего-то необычно-

го и героического. В ее комнате висел портрет Че Гевары, который был для нее символом мужества и идеалом для подражания.

На третьем курсе она потеряла отца. Он давно жаловался на почки и лег на операцию. Но из больницы больше не вышел. Марина любила отца, они были большими друзьями, и его смерть подействовала на нее угнетающе. Оставшись вдвоем с матерью, она стала настоящим лидером, взвалив на себя все семейные заботы, благо пенсия отца была достаточно большой.

На пятом курсе Марина впервые подумала о своем распределении, она училась лучше всех. Как раз тогда на факультете появились незнакомцы в черных костюмах и модных в то время нейлоновых рубашках. Они и раздали всем анкеты, попросив ответить на вопросы. При этом незнакомцы вместе с деканом сидели прямо в аудитории, наблюдая за тем, как студенты заполняют анкеты. На это занятие ушло полдня, но ни одного человека из помещения не выпускали. Самое удивительное было в том, как собирались анкеты. Незнакомцы обходили всю группу с открытыми папками, и каждый должен был положить свой лист в эту папку самостоятельно.

Ребята потом долго спорили по поводу таинственных незнакомцев. Все сошлись на одном — их проверяли и отбирали для работы в дипломатических представительствах за рубежом. Некоторые уверяли, что просто проводили тестирование на будущих аспирантов. Марина честно ответила на все вопросы, среди которых попадались порой смешные, порой непонятные, которые можно было зада-

вать либо в больнице, либо в сумасшедшем доме. Но тем не менее она ответила на все вопросы и, сдав анкету, просто забыла про нее.

Через две недели ее вызвали к ректору. Она никогда не была у ректора и поэтому не могла понять, чем был вызван столь непонятный интерес. Ректор был знаком с ее отцом, работавшим в МИДе, но и только. Они никогда не встречались и не разговаривали. В кабинет она шла, как и все студенты, заранее чувствуя себя виноватой. Тем более что срочный вызов передал ей не староста группы, а сам декан, спустившийся во время перемены на их этаж и лично нашедший Чернышеву.

Улыбающаяся секретарь ректора подмигнула ей, и она вошла в кабинет. Кроме ректора, там сидели двое незнакомых людей. Один, постарше, был лысый, с глубокими пронизательными глазами. Он сразу повернулся, когда она вошла, и посмотрел на нее долгим внимательным взглядом. Другой, помоложе, был седоватый подтянутый человек с резкими, жесткими чертами лица. Ректор сидел не как обычно, за своим столом, а напротив гостей за длинным гостевым столом.

— Вы меня вызывали? — спросила Марина.

— Да, — сказал ректор, — проходите, садитесь, Чернышева. Эти товарищи хотели с вами встретиться. Вы поговорите в моем кабинете. О вашей беседе никто не должен знать. Вы меня понимаете?

— Конечно, — не удивилась она.

МГИМО был особым институтом, здесь готовили будущих дипломатов, и обстановка секретности соответствовала качеству получаемых знаний. Но тут

произошло неожиданное. Ректор встал и, сделав ей жест рукой оставаться на месте, вышел из кабинета. Она осталась с двумя незнакомцами. Лысый по-прежнему внимательно смотрел на нее. Но разговор начал другой.

— Чернышева Марина Владимировна? — уточнил он.

— Да.

— Ваш отец работал дипломатом?

— Да.

— Чем занимается ваша мать?

— Она болеет. Сейчас дома. Раньше работала врачом в наших посольствах за границей.

— Вы единственный ребенок в семье?

— Да.

Пока они спрашивали только о вещах, ответы на которые можно было найти и в ее анкете, заполненной после поступления в институт. Но потом начались другие вопросы.

— Вы болели чем-нибудь в детстве? — спросил незнакомец.

— Гриппом, ангиной, — удивилась она.

— И все?

— Наверное, все, я точно не знаю.

— Вы болели в пять лет дифтерией. Помните?

— Да, — еще больше удивилась она, — действительно болела. Мы тогда жили в Южной Америке.

— У вас было осложнение?

— Мама говорила, что было, но я не помню.

— Вы никогда не жаловались на свой слух?

— Нет.

«Почему он спрашивает о таких ненужных ве-

цах?» — подумала она, но незнакомец уже доставал из своей папки ее анкету, заполненную месяц назад.

— Эта ваша анкета?

— Моя, — чуть покраснела она.

Анкеты не подписывались, и поэтому они отвечали свободно и раскованно. Откуда эти типы могли вычислить именно ее анкету?

— Вы, наверное, волнуетесь, — сказал незнакомец.

Лысый по-прежнему молча смотрел на нее.

Ее начал нервировать этот пристальный взгляд.

— Но мы отобрали только вашу анкету и проверили по отпечаткам пальцев, кому именно она принадлежит. Не беспокойтесь, кроме нас, никто не знает ответы на наши вопросы. И никто никогда не узнает.

Она пожала плечами. Некоторые вопросы были весьма откровенными. Если бы она предполагала, что ее так просто вычислят, она бы никогда не отвечала на вопросы столь честно.

— Вы ничего не хотите поменять в своих ответах? — спросил незнакомец.

— Ничего, — ответила она, даже не подумав. Пусть будет все как будет. И тут началось.

— Вы написали, что любите активный образ жизни. Что, по-вашему, скрывается под этими словами?

— Там был вопрос: «Какой тип жизни вы предпочитаете?» Я выбрала активный. Мне это больше подходит.

— Но работа дипломата — это спокойная тишина кабинетов.

— Не только, — возразила она. — Грибоедова убили не совсем в его кабинете.

— Да, если Грибоедова, то конечно. Но сейчас по-слов стали убивать гораздо реже. Хотя иногда случается, — улыбнулся впервые незнакомец. — Я представляюсь, — наконец сказал он, — меня зовут Олег Константинович.

Имени своего спутника он так и не назвал.

— Вам было предложено выбрать себе спутника жизни. Одного из четверых. Людовика Четырнадцатого, Бомарше, Мольера и кардинала Ришелье... Почему вы выбрали именно Бомарше?

— Я отбирала из-за личных симпатий. Людовик был королем, активный тип, не терпящий рядом с собой умных женщин. Может, поэтому следующий король так излишне доверял женщинам. Ришелье — просто тиран, насколько я могу судить по его историческому образу, а Мольер прекрасный актер и драматург, но беспутный человек. Среди всех я выбрала Бомарше. Он был интеллектуалом и разведчиком. По-моему, это ближе всего к дипломату, — пояснила она.

— Вы интересно рассуждаете, — признался Олег Константинович. — У меня еще несколько вопросов. В своей анкете вы отметили, что предпочли бы поехать по распределению в Южную Америку. Это связано с выбором вашего отца?

— Да.

— Вы знали, чем на самом деле занимался ваш отец?

— Конечно, знала. Он был дипломатом, — удивилась она.

— Нет, — спокойно возразил Олег Константинович, — он был разведчиком. Ваш отец, Марина, все-

гда был разведчиком. Дипломатический паспорт был для него лишь прикрытием. Он был полковником КГБ.

Она ошеломленно молчала, не решаясь задавать вопросы. Такое открытие было для нее полной неожиданностью.

— Мы хотим предложить вам продолжить работу вашего отца, — очень просто сказал Олег Константинович. — Разумеется, мы еще не знаем, подойдете ли вы нам. Но среди всех учащихся вашего курса мы отобрали только вас, Марина Чернышева. Вы согласны?

Она удивленно смотрела на сидевших перед ней людей. Сказанное об отце потрясло ее настолько сильно, что выбило из привычной колеи, лишив возможности спокойно мыслить.

— Я не знаю, — честно выдавила она.

Лысый впервые чуть усмехнулся за все время беседы. И впервые заговорил:

— Это действительно честный ответ.

Она сразу узнала этот голос. Человек с таким голосом иногда звонил к ним домой. Она знала этот голос. И он, очевидно, знал ее отца.

— Я слышала ваш голос, — сказала она, — вы звонили к нам.

— Да, — лысый был удивлен, — а мы, наоборот, считали, что у вас, возможно, ослабление слуха. Какая блестящая слуховая память! Девочка, это просто здорово.

— Вы знали моего папу?

— Мы были с ним близкими друзьями. Просто я никогда не появлялся у вас дома. Это было не нужно.

Она кивнула, закусив губу. Сегодня она узнала много нового.

— Думаю, ты подойдешь, — ласково сказал лысый, — можешь идти. Только дома ничего не рассказывай. Подумай сама. Завтра я вам позвоню. Скажешь только одно слово — «да» или «нет». И сразу повесишь трубку.

Когда она вышла, Олег Константинович повернулся к своему старшему коллеге:

— Вы думаете, она согласится?

— Уверен. Наши специалисты проверяли несколько раз. Она самостоятельная женщина, и в ней есть хороший дух авантюризма. Такие как раз нам и нужны.

Всю ночь она не спала, и рано утром ей приснился отец, сидевший напротив нее в кресле. Он мягко улыбался и рассказывал что-то приятное. Когда вечером раздался звонок, она, уже не колеблясь, подняла трубку и сказала: «Да».

И этим определила свою судьбу.

3

— Вы должны понимать, что ничем не отличаетесь от мужчин, — зло говорил инструктор, стоя перед ними. Это был сорокапятилетний здоровяк с мощными бицепсами. Непонятно, почему он с первого дня невзлюбил группу прикомандированных к нему женщин. Может, потому, что, как ветеран корейской и вьетнамской кампаний, считал это ненужным экспериментом. Или ему не повезло с женой, и он выме-

щал всю свою злобу на доставшихся ему курсантках. Но он был беспощаден ко всем пятерым. Никакого снисхождения быть не должно. Между собой они давно называли его Душителем.

— Вы все офицеры, хотя младший лейтенант так же похож на офицера, как галоши на сапоги. А вы вообще лапти, — гремел его гневный голос, — ни одна не справилась с зачетным временем. Все пришли к назначенной точке с большим опозданием.

— Попробовал бы этот тип пробежать столько километров с таким снаряжением, — тяжело дыша, сказала Лена. — А мне сегодня вообще бегать нельзя, у меня такое кровотечение открылось.

— Разговоры! — заорал Душитель.

— Разрешите обратиться, — выступила вперед Марина. Она была старшая в группе.

— Говорите, — прохрипел этот тип.

— Прошу освободить курсанта Иволгину от занятий.

— Что? — не поверил своим ушам инструктор. — Встать в строй! Здесь вам не детский сад.

— Прошу освободить ее, — настойчиво сказала Марина, — сегодня ей бегать нельзя. И таскать такие тяжести тоже нельзя.

— Никаких отговорок, — презрительно сказал Душитель, — даю десять минут, чтобы оправиться, и потом снова в путь. Никаких исключений не будет.

Она поняла, что спорить бесполезно, и вернулась в строй. Через десять минут они снова бежали за этим типом, груженные рациями и оружием.

И только вечером, когда они, уставшие, отдохали в небольшой комнате, предназначенной для отдыха

группы, пришла Аркадия Самойловна. Она села напротив молодых женщин.

— Что, девочки, устали? — ласковым тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросила она.

Марина поняла по ее голосу, что сейчас будут разборки. И не ошиблась.

— Марина, — так же ласково спросила Аркадия Самойловна, — почему ты сегодня хотела освободить Иволгину?

— Она не могла с нами бежать, — объяснила Марина.

— Почему?

— У нее начались месячные. Раньше времени.

— Ну и что?

— Она не могла бежать, — терпеливо пояснила Марина.

— Мариночка, — сказала Аркадия Самойловна, — ты, наверное, перепутала наши профили. Мы учим тебя не на адвоката, а на разведчика. Понимаешь? На разведчика! А ты выступаешь бесплатным адвокатом.

— Я хотела объяснить, — упрямо возразила Марина.

— Напрасно хотела, — Аркадия Самойловна наконец перестала притворяться. — Вас готовят как профессионалов. А вы ведете себя как бабы. Деревенские полоумные бабы, ничего не понимающие и не знающие. Какая может быть причина для остановки в пути? Только смерть агента. Если даже у нее начнутся роды, не имеет она права останавливаться. Пусть рождает в пути, в лесу, в овраге. Но не останавливаться. Я в партизанском отряде была в сорок втором. Думаешь, там кто-нибудь остановил бы отряд

из-за моих женских глупостей? Меня бы просто пристрелили, как суку, чтобы я не задерживала людей. По пятам за нами шли каратели из СС. Кто позволил бы останавливать отряд? Ты понимаешь, Мариночка? Твой поступок хуже, чем предательство. Если она останется и не пойдет с вами — значит, попадет в руки врага. А развязать язык такой изнеженной девочке они быстро смогут.

— Я не изнеженная, — чуть не плача возразила Иволгина.

— Тогда не нужно было вообще никому ничего говорить. Из меня иногда кровь хлестала. И ничего рядом не было. Просто портянку засовывала, надевала мужские брюки и шла в поход. Шла, как все. Если бы мои женские сложности могли им помешать, я бы удавилась. Понимаешь, Леночка, удавилась бы, чтобы не мешать заданию. Но ничего бы подругам не рассказала.

Женщины подавленно молчали. Они теперь несколько в ином свете видели все, происшедшее с ними. Марина отвернулась, отвечать было нечего. Этот монстр была права. Права по всем статьям.

— Вы женщины в постели, в казино, на пляже, — бушевала Аркадия Самойловна, — когда вы намалеваны и бедрами виляете. А в походе вы солдаты, мужики. И должны нести вместе со всеми оружие и снаряжение. Всем ясно?

— Всем.

— Завтра все повторите заново, — сказала на прощание Аркадия Самойловна, — весь маршрут. И ты, Лена, пойдешь со всеми. Тебе понятно?